

Отдельные проблемы правового регулирования противодействия международной организованной преступности

Хабибулин Артём Вадимович, студент 3-го курса магистерской программы «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право» юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: artem-ha@mail.ru

Аннотация

В настоящее время противодействие международной организованной преступности основано на положениях международных и национальных нормативно-правовых актов. Однако существует ряд проблем, связанных с различиями в терминологии и понятийном содержании отдельных терминов в указанных документах. Это снижает эффективность международного сотрудничества и требует научного и практического решения данных разногласий. Автором статьи предложено свое видение этой проблемы и ее решения.

Ключевые слова: международная организованная преступность, экстрадиция, уголовное право, преступное сообщество

Some Issues of Legal Regulation of Countering International Organized Crime

Artyom V. Khabibulin, MA Student, Program “Criminal Law, Criminology, Penal Law”, Department of Law, North-West Institute of Management, branch RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: artem-ha@mail.ru

Abstract

Currently, the fight against international organized crime is based on the provisions of international and national legal instruments. However, the above documents give rise to a number of problems pertaining to the terms of reference, which reduces the effectiveness of international cooperation and requires academic and practical solutions to these controversies. The author of the article suggests his own vision of this issue and the way it could be settled.

Keywords: international organized crime, extradition, criminal law, criminal community

---

Организованная преступность как явление несет в себе особую общественную опасность, обусловленную рядом факторов. К их числу следует отнести:

- a) нанесение ущерба одновременно нескольким группам охраняемых законом общественных отношений;
- b) особый характер подготовки преступных деяний, предполагающий совокупность планомерных и последовательных действий;
- c) целенаправленное вовлечение в преступную деятельность значительного круга участников общественных отношений в различных качествах, обусловленных функционалом организованной преступной группы или преступного сообщества [5].

В условиях, когда организованная преступность выходит за рамки одной национальной юрисдикции и затрагивает охраняемые законом интересы различных государств, об-

щественная опасность подобного рода деятельности возрастает многократно. В связи с этим выявление проблем противодействия международной преступности и поиск путей их решения не утрачивает своей актуальности как для правоохранительной деятельности, так и для области научных исследований.

Прежде всего, необходимо установить содержание понятия международной организованной преступности. Значительная сложность в решении этой задачи обусловлена тем, что в настоящее время как в российском национальном законодательстве, так и в международных правовых актах данное понятие отсутствует. Одновременно с этим широко распространено понятие транснациональной организованной преступности, однако его отграничение от вышеуказанного понятия, опираясь на толкование действующих норм национального и международного права, также осуществить весьма затруднительно [4].

Между тем понятие транснациональной организованной преступности в отличие от исследуемого понятия все же имеет косвенное нормативное выражение. В 2000 г. в Нью-Йорке была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности¹ (далее — Конвенция), впоследствии ратифицированная Российской Федерацией в 2004 г.²

В ст. 2 обозначенной Конвенции поименованы ключевые термины, в число которых включено и понятие организованной преступной группы: центральным элементом данного понятия служит категория «структурно оформленной группы», определяемой в п. «с» ст. 2 Конвенции как группа, характеризующаяся развитой структурой и непрерывным характером членства ее участников³. Важным квалификационным признаком по смыслу цитируемой нормы выступает то, что такая группа не была образована случайным образом ради немедленного совершения преступных деяний.

Непосредственно в определении термина организованной преступной группы, помимо уже выделенных признаков, отмечается целевая направленность и мотив ее деятельности. По смыслу п. «а» ст. 2 Конвенции целью создания указанной группы служит совершение одного или нескольких серьезных преступлений для получения в прямой или косвенной форме финансовой и иной материальной выгоды⁴.

При этом в рамках указанной Конвенции отдельно не выделяется понятие преступного сообщества, в то время как в российском уголовном законодательстве разграничиваются понятия организованной группы и преступного сообщества. Проводя анализ признаков двух обозначенных терминов с содержанием ст. 2 Конвенции, следует установить фактическое сходство между понятием преступного сообщества (преступной организации), сформулированного в п. 4 ст. 35 Уголовного кодекса РФ⁵ (далее — УК РФ), и понятием организованной преступной группы, сформулированным в Конвенции. При этом необходимо отметить, что на действующую редакцию п. 4 ст. 35 УК РФ положения Конвенции оказали непосредственное влияние. В 2009 г. в обозначенную норму были внесены изменения, фактически заимствующие признаки целевой направленности и мотива,

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ. 04.10.2000. № 40. Ст. 3882.

² О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее : федеральный закон № 26-ФЗ от 26.04.2004 // СЗ РФ. 03.05.2004. № 18. Ст. 1684.

³ СЗ РФ. 04.10.2000. № 40. Ст. 3882.

⁴ Там же, ст. 3882.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

указанные в положениях Конвенции⁶. Наряду с этим указывается на то, что преступное сообщество (преступная организация) есть структурированная организованная группа, что следует рассматривать как отсылку к термину структурно оформленной группы, закрепленному в п. «с» ст. 2 Конвенции. При этом количественный признак российским законодателем фактически был проигнорирован.

В связи с этим, исходя из анализа вышеприведенных норм, можно установить терминологическое расхождение в нормах международного и российского национального законодательства в исследуемой сфере. Подобная несогласованность норм может рассматриваться в качестве одного из факторов, снижающих эффективность взаимодействия между государствами — участниками Конвенции, являющегося ключевым методом борьбы с международной организованной преступностью.

В свою очередь, признак транснационального характера организованной преступности не сформулирован напрямую, однако фактически вытекает из содержания ч. 1 ст. 3 Конвенции, указывающей на критерии признания преступления транснациональным. По смыслу рассматриваемой нормы преступление может быть признано таковым в следующих случаях:

- если совершено на территории, относимой к двум и более государствам (национальным юрисдикциям);
- если совершено на территории одного государства, однако фактическое управление и подготовка к проведению осуществлена на территории другого государства;
- если совершено на территории одного государства при участии организованной преступной группы (по терминологии Конвенции), деятельность которой охватывает несколько государств;
- если совершено на территории одного государства, однако сопутствующие общественно-опасные последствия возникают в другом государстве.

Тем не менее остается открытым вопрос, можно ли понятия транснациональной и международной организованной преступности признать равнозначными. С учетом приведенных выше критериев представляется возможным провести между ними знак тождества.

В монографическом исследовании Ю. Г. Васина, в рамках которого приведен анализ рассматриваемого понятия, в числе неотъемлемых признаков, помимо устойчивости и нацеленности на извлечение дохода, выделяются управляемость, а также коррупция как средство защиты от социального контроля [1]. Аналогичная позиция озвучена и В. Е. Эминовым [3]. Если в отношении признака управляемости с указанным автором нельзя не согласиться, то указание на коррупцию как обязательный признак представляется достаточно спорным.

В контексте анализируемых норм становится очевидной проблема определения юрисдикции при осуществлении уголовного преследования организованных групп. Безусловно, в международном уголовном законодательстве сформировалось понятие универсальной юрисдикции, обусловленное всеобщим осуждением государствами — участниками Конвенции преступности и признанием ее в качестве общей угрозы безопасности, однако фактическая возможность реализации универсальной юрисдикции оценивается весьма неоднозначно. Как представляется, обусловлено это несколькими причинами.

- В национальных законодательных системах принципиально различным образом решается вопрос о возможности выдачи своих граждан другому государству при

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон № 245-ФЗ от 03.11.2009 // СЗ РФ. 09.11.2009. № 45. Ст. 5263.

осуществлении в отношении них уголовного преследования. Так, в значительной части государств, включая РФ, национальное законодательство не предусматривает подобной возможности: в нормах российского законодательства (ст. 61 Конституции РФ⁷, ст. 13 УК РФ) содержится прямой запрет на выдачу своих граждан другим государствам. В ряде иных государств (включая Великобританию, Италию, США и др.), напротив, национальное законодательство допускает выдачу своих граждан для привлечения их к уголовной ответственности в других юрисдикциях. Аналогичным образом нет единообразия и в решении вопроса об отказе в экстрадиции иностранных граждан по основаниям, связанным с гуманистическими соображениями (например, экстрадиции лица, страдающего тяжелым заболеванием). В этой связи создается противоречивая ситуация: с одной стороны, государства защищают права своих граждан от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности со стороны других государств, а с другой — порождают предпосылки для нарушения принципа неотвратимости наказания даже в ситуациях, когда речь идет о международной организованной преступности.

- Текущий уровень развития современных технологий позволяет совершать преступления посредством сети Интернет, и в таких условиях остается неясным порядок определения юрисдикции, в которой осуществлялись преступные действия. На момент принятия анализируемой Конвенции подобный вопрос не был настолько актуальным, поскольку на тот момент виртуальное пространство находилось едва ли не в начальной стадии своего развития. В литературе вопрос о применении территориального принципа действия уголовного законодательства в отношении таких преступлений по-прежнему является открытым [2]. Подобная правовая неопределенность значительно способствует развитию международной организованной преступности, осуществляемой с помощью средств телефонной связи, сети Интернет и иных источников, фактически создающих виртуальное пространство.

Представляется очевидным, что в условиях столкновения политических интересов государств едва ли будет возможным установление полного единообразия между государствами — участниками Конвенции в части регулирования вопросов выдачи своих граждан другим государствам и ряда иных вопросов, обуславливающих наличие противоречий в национальных правовых системах данных государств. Однако решение ряда существующих проблем международного взаимодействия представляется возможным в связи с принятием следующих мер:

1. Введение на уровне международного законодательства акта, определяющего порядок определения юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, а также с использованием иных средств связи, фактически способствующих дистанционному совершению преступлений.
2. Установление на уровне международного права нормы, в соответствии с которой государство, прямо или косвенно уклоняющееся от исполнения своих обязанностей в рамках взаимодействия с другим государством по вопросу противодействия международной организованной преступности, может быть признано содействующим международной организованной преступности. В частности, непринятие мер по привлечению к уголовной ответственности в рамках национального уголовного законодательства с учетом разности подходов в правовых системах государств, являющихся сторонами

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 09.11.2020).

такого взаимодействия. Вполне очевидно, что решение вопроса о подобном признании должно относиться к ведению международной судебной юрисдикции.

Указанные меры однозначно не могут выступить решением всего множества существующих проблем противодействия международной организованной преступности, однако смогут устранить ряд факторов, вызванных объективной и субъективной невозможностью единообразного уголовного преследования членов организованных преступных групп (по терминологии Конвенции) со стороны различных государств.

Литература

1. *Васин Ю. Г.* Борьба с организованной преступностью: опыт теоретического моделирования : монография. М. : Институт государства и права РАН, 2015. 291 с.
2. *Комаров А. А.* Об особенностях территориального принципа действия уголовного закона в сети Интернет // Сибирское юридическое обозрение. № 4 (33). 2016. С. 57–63.
3. *Максимов С. В., Эминов В. Е.* Организованная преступность и коррупция: российские реалии и пути противодействия : монография. М. : Проспект. 2019. 96 с.
4. *Мацкевич И. М.* Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4. 2017. С. 69–77.
5. *Суденко В. Е.* Особенности современной организованной преступности, влияющие на борьбу с ней // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. № 4. 2018. С. 344–353.